

УДК 141.155

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРИСУЩЕГО ЦИВИЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ЛИЧНОСТИ

Ю.А. Чернавин

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

В статье рассматривается проблема образа человека, составляющего ядро духовной жизни цивилизации. Содержание образа различается в системоцентристской и персонцентристской цивилизациях, в первом случае противоречия смыслам и практикам института прав человека, во втором – находясь с ними в гармонии.

Ключевые слова: права человека, образ человека, системоцентристская культура, персонцентристская культура, «человек мифический, иррациональный», «человек рациональный, экономический», «человек гуманистический», «человек традиционалистский».

Одна из важнейших отправных точек современной социальной практики – права человека, представляющие собой важнейший политический проект эпохи постмодерна. Однако его реализация имеет непростой характер. В ряде случаев политики лишь используют лозунги защиты прав для достижения совершенно иных – неправовых и недемократических – задач, пытаясь оправдать бомбежки, вторжения, свержения президентов и правительств. В других ситуациях тот или иной политический режим, прикрываясь правовой риторикой, ограничивает свободу слова, мнений, информации...

В то же время не все лежит на поверхности и объясняется примитивной подтасовкой правовых принципов и положений в целях сокрытия собственных корыстных устремлений. Помимо этого, распространенную сегодня двойственность политической практики порождает противоречивость в самом феномене прав человека. Одно из таких противоречий может складываться между объективным и субъективным в его содержании: с одной стороны, это законодательно оформленные статусы, закрепляющие права человека, и соответствующие им практики; с другой – содержание духовной культуры, ценностные ориентации и ожидания личности, не сопрягающей повседневную жизнь с идеалами данного социального института.

Иными словами, речь идет о возможном несоответствии предписанных социальных практик и доминирующего в общественном сознании образа человека, соответствующего духовным характеристикам цивилизации, ее культуре. Попытка рассмотреть данное противоречие, условия его возникновения, в том числе применительно к институту прав человека в России, – задача данной статьи.

Противоречия подобного рода весьма актуальны в современном мире и ярко проявляют себя, например, при рассмотрении феномена цивилизационных (национальных) типов прав человека, существующих в тех или иных обществах и государствах. По сути, это давно известная проблема искусственной «пересадки» структур, имманентных какой-либо культуре, на другую соци-

альную почву, для которой данная структура является чуждой. В этом смысле доктрина прав человека (и ее воплощение в существующем каталоге прав человека), представляющая интересы и ценности западной цивилизации и внедряемая, как правило, сверху, в обществе иного типа выглядит инородной конструкцией. Власти стремятся ее несколько изменить, приспособить к цивилизационным особенностям этноса, религии, культуры. Однако зачастую ментальность, главные характеристики духовной культуры цивилизации (культура), связанные с ней образы человека оказываются в противоречии с предлагаемыми новациями.

Термин «образ человека» наполняется иным содержанием, нежели, например, характерный для социологии «тип личности», отличающийся прежде всего нормативностью и предполагающий наличие отчетливо обозначенных личностных свойств и образцов поведения. Образ человека философичен, строится при опоре на преимущественно аксиологические подходы. Он в меньшей степени содержит нормативные образцы, здесь скорее присутствуют ценности мировоззренческого, нравственного, религиозного свойства. Данный феномен не столь конкретизирован, как «тип личности», это по большей мере система смыслов.

К анализу содержания образа человека можно подойти как по «горизонтали», так и по «вертикали». В первом случае его периферийные характеристики изменчивы, однако фокус-смыслы имеют ментальный характер и укоренены в культуре не только существующей эпохи, но и предшествующей ей. Соизмеряя себя с актуальным обществом, образ человека в то же время ориентируется на непреходящие ценности морального свойства, имеющие признаки Абсолюта и выступающие как высокий идеал, – добро и зло, любовь и счастье, свобода и достоинство, долг и честь и др.

Во втором случае духовную культуру следует рассматривать с точки зрения глубины хранения и трансляции культурного опыта. В этом отношении в данном феномене выделяются три слоя: 1) поведенческий (поверхностный); 2) мировоззренческий (средний); 3) глубинный (генетический).

Поведенческий слой объединяет ценности и нормы деятельности, традиции и обряды, общественно-психологические образования (общественное мнение и настроение и др.), явления социальной информации и коммуникации.

Основой мировоззренческого слоя духовных образований является менталитет, также его составляют общие мировоззренческие и нравственные принципы, ценностные ориентации, идеологемы, выраженные в формах науки, религии, идеологии, искусства и т. п.

Генетический слой образуют своеобразные информационные матрицы особо устойчивого характера, первообразы, архетипы, которые существуют, как правило, неосознанно. Элементарные образы подобного рода – это образования, представляющие собой психические осадки бесчисленных переживаний многих поколений на протяжении истории данного этноса, социума. В процессе деятельности они актуализируются в идеалах, ценностях, пониманиях. Самые действенные из них являются достаточно прозрачными вариантами архетипа, который легко распознать, поскольку возникающий идеал переводится на язык аллегорий, обладающих немалой побудительной силой. Например, Родина – это мать.

Духовная культура в единстве своих содержательных компонентов рассматривает социальное бытие сквозь призму интересов и переживаний человека и обращает образующиеся смыслы вновь на человека, его место в мире, в обществе, на предназначение личности и способы деятельности при реализации этого предназначения, принципы взаимоотношений с социумом и т. д. Такая нацеленность процессов содержательной самоорганизации духовной культуры, а также факторы влияния на нее объективной реальности, целенаправленного воздействия каких-либо социальных и политических сил в конечном итоге порождают образ человека. Его характеристики обладают общностью, характеризую цивилизацию в «человеческом» аспекте. Верхние, поведенческие слои данного феномена весьма динамичны, но смыслообразы глубинного слоя обладают сильнейшей инерционностью. Вследствие этого внешние воздействия, затрагивающие элементы данного уровня, должны осуществляться не методом разрушения или тотальной смены сложившейся личностной или общественной культуры, а на основе ее сохранения и приумножения.

Итак, образ человека обладает многослойностью. Существовая именно как образ, он локализуется в общественном (и массовом) и индивидуальном сознании, а также в коллективном бессознательном, индивидуальном подсознании. Исторически сложившийся и отражающий характеристики цивилизации образ человека проявляет себя в принятии или непринятии предлагаемых социуму способов социальной деятельности, в том числе он тем или иным образом (противоречивым или непротиворечивым) воплощается в идее, форме и практике прав человека.

Образ человека оказывается системообразующим элементом культуры, представляющей общие характеристики той или иной цивилизации. Это многомерная ценностно-нормативная целостность, локализованная внутри определенного смыслового поля [1, с. 16–19]. В культурологической теории выделяются и описываются культуры Востока и Запада. В социальной философии фактически те же подходы раскрываются как культуры системоцентристских (коллективистических) и персонцентристских (индивидуалистических) цивилизаций.

Коренное различие между системоцентристскими и персонцентристскими цивилизациями (типами общества) состоит в месте и роли человека в социальном процессе. Они и соответствующий им образ человека, по сути, определяют вектор исторической динамики, механизмы функционирования социума. В системоцентристских цивилизациях в качестве цели развития выступает общество, ценности его развития и воспроизводства, в персонцентристских – человек. Соответственно в первом случае индивид, будучи подчинен социуму, лишается правовых возможностей, во втором – ими обладает.

По мысли А. Ивина, коллективистическое общество охватывает большую часть истории. При этом складываются следующие типы коллективизма: древний (примитивный); средневековый (умеренный); индустриальный (тоталитарный). Вариантами последнего являются: а) интернациональный коллективизм (в качестве цели его развития объявляется рай для всех); б) национал-социалистический (рай для избранной расы за счет остальных). Индивидуалистическими обществами выступают древние демократии и современный капитализм [2, с. 45, 62, 89].

Ценностно-нормативное наполнение той или иной культуры, соответствующего образа человека определяется предметом моделирования, его способами и средствами, характером духовного материала, которым располагает культурное сознание. В частности, мифологическое, религиозное, художественное, научно-теоретическое, философское, нравственное сознание по-разному воспроизводит социальные, в том числе правовые, реалии. При этом нравственное сознание предстает как ценностный стержень, смысловой фокус, определяющий принципы бытия человека и тем самым задающий познавательные азимуты. Одновременно оно – своеобразный венец познания и практики, обобщающий опыт в форме усовершенствованных либо измененных принципов, которые затем вновь определяют рамки социальной деятельности и мысли.

Образ человека, доминирующий в тот или иной исторический период и возникающий во многом под воздействием главенствующего в это время типа сознания, определяет, помимо прочего, характеристики места человека в обществе и его правовые возможности. В этом отношении выделяются следующие образы:

- «человек мифологический, иррациональный»;
- «человек рациональный, экономический»;
- «человек гуманистический»;
- «человек традиционалистский».

Образ «человека мифологического, иррационального» характерен для первобытности, периода Античности, Средневековья. «Человек рациональный, экономический» соответствует мировоззренческим идеалам Нового времени. «Человек гуманистический» – образ только становящийся, это выражение исторической перспективы. Образ «человека традиционалистского» несколько выбивается из избранной логики. Он отражает духовные измерения культур, в том числе современных, не выработавших идеи прав человека в своем развитии. Россия в их числе.

Содержательные характеристики образа «человека иррационального, мифологического» неоднородны. В первобытности его мировоззрение определяется мифологическим сознанием; в античный период истории – преимущественно мифологическим и метафизическим; в период Средневековья – как правило, мифологическим, метафизическим, религиозным.

Архаический человек еще не отделяет себя от естественного космоса, тем более – от окружающей социальной среды. Собственной – личностной – внутренней жизни пока нет, нет и противоречий между человеком и социумом. На этапе общинного развития смыслы и ценности бытия определяются «мы-сознанием», растворяющим человека в общине, утверждающим бесправие каждого перед ней. Община обеспечивает равенство своих членов, суть которого – в отсутствии свободы.

С возникновением государственности в античном мире мифы трансформируются в мифологемы – устойчивые нормативные структуры, фиксирующие коренные противоречия человеческого существования и определяющие способы их решения. Механизмы мифологемы, а также начала философского антропоцентризма, ценности зарождающегося естественного права предопределяют появление в общественном сознании, в формирующейся теории новых

характеристик образа человека, связанных с идеями и смыслами справедливости, равенства, свободы.

В рабовладельческих государствах Античности, существовавших в форме полисной республики, на практике появляется как определенное пространство свободы, так и ярко выраженное социальное неравенство. Противоречие между ними порождает элементы будущих прав человека. В данном случае о каком-либо совершенстве говорить не приходится: прав гражданина были лишены не только рабы, составляющие большинство населения в этих государствах, но и некоторые категории свободных. Более того, свободный гражданин полиса должен был жить не для себя, а для государства. Частная жизнь, обеспеченная рабством, служила ему средством исполнения гражданских обязанностей.

Безусловно, уже в своем первичном, начальном звучании утверждение гражданина как носителя определенных прав было крупным шагом в области развития культуры гуманизма, на пути человечества к познанию свободы. Однако, во-первых, *права гражданина* – это еще не *права человека* (как тогда, так и сейчас). Во-вторых, можно ли говорить о правах человека, даже об их предтече применительно к рабовладельческому обществу? В целом, думается, наполнение образа человека и соответствующее проявление его характеристик на практике в античную эпоху соответствовали системоцентристской культуре и цивилизации.

Особой культурно-исторической модификацией мифологемы, характерной для европейского Средневековья, является теологема. Она носит ярко выраженный цивилизирующий характер и направлена против любых попыток разрушить этические основания социального порядка. Человек, разделяющий ее ценности, чувствует собственную причастность к гармонизирующим началам миропорядка и высшим нравственным смыслам бытия. Идея равенства раскрывается по отношению к Богу, утверждается естественное право каждого на достоинство. Подобные характеристики образа человека воплощаются в итоге в основном достижении Средневековья – устранении из общества полностью бесправных людей и социальных групп.

Личность еще недостаточно индивидуализирована, все стороны ее деятельности подчинены обычаю, ритуалу, закону, сословным ограничениям, но юридически она считается свободной. Безусловно, на деле большинство остается бесправным: феодальные корпорации (рыцарские и монашеские ордена, цеха ремесленников и торговцев) жестко подчиняют человека, нивелируя его индивидуальность. В то же время в рамках корпорации человек становится равным с другими. Формируется чувство достоинства, пусть пока и сословного.

В целом черты образа «человека иррационального, мифологического» выглядят следующим образом:

- существование в рамках системоцентристских культурем, утверждающих приоритет общества и государства; растворение личности в общине, сословии либо служение полису, но не себе;
- отсутствие в содержании образа человека идей о правовых возможностях личности;
- доминирование мифологического сознания при содержательном наполнении мировоззрения личности, общественного и индивидуального сознания;

- восприятие ценностей свободы, справедливости, достоинства как феноменов, имеющих метафизическую природу, непосредственно не связанных с социальной практикой.

Возникновение образа «человека рационального, экономического» произошло в рамках соответствующего этапа развития западной цивилизации. Это персонистский по духу и социальной практике этап становления и развития индустриального общества, эпоха промышленных революций. Соответствующая культура, во-первых, утверждает человека в качестве фокуса духовной жизни, заявляет о его правах, во-вторых, оказывается в непротиворечивом единстве с социальной практикой.

Буржуазные революции нацеливаются на поиск новых форм взаимоотношений индивида и власти, противопоставляя их феодальной сословности. В политике новоевропейских государств утверждаются неведомые до этого притязания личности к государству: государственная власть должна руководствоваться не произволом, а законом; охранять права и благосостояние всех членов общества; обеспечивать осуществление неотъемлемо принадлежащей человеку свободы. Подобные новации, постепенно накапливаясь, получая законодательное закрепление, знаменуют становление в период Нового времени института прав человека в рамках западной цивилизации.

В чем видится соответствие нового типа социальных практик и основных социальных и духовных черт, составляющих образ «человека рационального, экономического»? Институт частной собственности интенсивно развивается как следствие ощущения и понимания личностью собственной свободы (и одновременно порождает ее). Свобода индивида реализуется как его самостоятельность, избирательная активность, способность проявлять инициативу, рисковать, принимать решения и нести за них ответственность. Немаловажна и готовность человека отстаивать свою свободу, используя механизмы оформленного правового статуса личности.

Развитие западной цивилизации в рамках христианского (в значительной мере протестантского) мировоззрения и веры с ее представлениями о человеке как образе и подобию Божьему координирует с осознанием значимости каждой личности, пониманием ценности человеческого достоинства, укоренением взглядов о равенстве всех людей.

Образ человека Нового времени содержит аксиологический вектор вполне определенной направленности, доминируют ценностные ориентации нравственного, правового и политического свойства, порождаемые протестантской этикой индивидуализма с ее, говоря словами М. Вебера, «непомерным моральным кодексом». Утверждается новый тип сознания, ориентированный на требования личной безопасности, свободы от чьего-либо давления, равенства всех перед законом, неприкосновенности частной жизни и собственности, договорных отношений в решении повседневных проблем и т. д.

Следует подчеркнуть, что персонистская культура в европейской нововременной действительности проявляется как индивидуализм. Абсолютизируя собственную значимость, игнорируя диалектику индивидуальности и коллективности, человек этого периода не стремится сопрягать ценности собственного бытия с ценностями других. Достаточно минимальной солидарности.

Мировоззрение подобного рода определяется сложным переплетением смыслов, интересов, идей, идеологем, порождаемых одновременно мифологическим, философским, религиозным, правовым и научным сознанием. При этом доминирующей тенденцией развития теории выступает рационализм как методология познания, способ социального проектирования и реакция на иррационализм предшествующих эпох.

Основными чертами образа «человека рационального, экономического» выступают:

- существование в рамках персонцентристских культурем, утверждающих свободу личности, ее приоритет перед государством;
- доминирование ценностных ориентаций нравственного, правового и политического свойства, связанных с осознанием значимости каждого индивида, пониманием ценности достоинства, укоренением взглядов о равенстве всех людей; выстраивание на основе данных принципов института прав человека;
- утверждение нового – рационального – типа сознания, проявляющегося на практике, помимо прочего, как индивидуализм.

Культурные, нравственные, правовые характеристики, составляющие образ «человека рационального, экономического», утвердившись в Новое время, продолжают существовать и сегодня в социальной теории и в социальной практике. Более того, характеристики рациональности, игнорирующие целостность природы человека, усугубляются в условиях современной техногенной цивилизации, когда личность превращается в своего рода технический элемент, деталь этого типа общества и культуры.

Однако одновременно и параллельно с «человеком рациональным, экономическим» в западной новейшей истории возникают контуры личности, характеризующей действительный персонцентризм (но не индивидуализм) в отношениях человека и социальной системы. Характеристики подобного рода сопрягаются с образом «человека гуманистического». Это образ формирующийся, имеющий историческую перспективу. Формы и типы общественного и индивидуального сознания, «работающие» на данный образ, остаются прежними, как в нововременной исторический период, однако существенно меняется их наполнение, взаимодействие, итоговая мозаика смыслов, главное – изменяется нравственная основа, которой постепенно становится современный демократический гуманизм.

Общепризнанного определения гуманизма нет. Но, как правило, гуманизм – это «система мировоззрения, основу которого составляет защита достоинства и самооценности личности, ее свободы и права на счастье» [4, с. 196]. Для философского анализа гуманизма значима позиция Дж. Дьюи (1859–1952), полагавшего, что в данном случае следует исходить из идеи целостности человеческой природы, а не только из интеллекта, логики или разума, как это было принято в Новое время.

Современное прочтение гуманизма содержательно богато, однако отметим лишь два его положения, предлагаемые В. Лекторским. Во-первых, подчеркивает известный ученый, суть человеческой индивидуальности понимается не в духе ее автономности и самозамкнутости индивида, а в укорененности личности в межчеловеческих связях. Новому пониманию отношения человека и человека, человека и социума соответствует ориентация на другого при сохранении

достоинства каждой из сторон. Во-вторых, меняется представление о том, что освободить человека, снять его зависимость от внешних сил, создать условия для творческого самоопределения можно лишь путем овладения окружением, начиная от природы и заканчивая социальным миром. Овладение трактовалось как контроль и господство, средство их реализации – разум, рациональность. Современная же судьба гуманистического идеала связана с отказом от идеи овладения и подавления [3].

Гуманность, или человечность, – одно из основных жизнепроявлений человека. Это качество возникало и развивалось на самых ранних этапах человеческой истории, надо полагать, едва ли не вместе с превращением предка человека в *Homo sapiens*, стада – в общество. В его основе лежит человеколюбие; оно получило свое выражение в принципах метафизического, морального, религиозного свойства; направлено, как правило, на другого, воспринимает человека как целостность. Гуманность на уровне сознания и уровне практики в значительной степени связана с опытом повседневности, с соответствующим типом мировоззрения и образа жизни. Процесс самореализации личности осуществляется в этом случае при опоре не на выгоду, а на основе разделенных с другими людьми целей бытия.

В целом современный демократический гуманизм существенно отличается от характеристик гуманизма Нового времени (и соответствующего образа «человека рационального, экономического»), исходящего из приоритета личного бытия перед другими возможными основаниями нравственной мотивации. Именно на базе такого индивидуалистического понимания гуманизма в Новое время разрабатывалась концепция прав человека, представляющая и сегодня интересы и завоевания западной цивилизации. Однако в послевоенный период в Европе начинает проявлять себя собственно персонцентризм, соответствующий образу «человека гуманистического».

Несоответствие между индивидуализмом издавна закреплённых в Европе прав человека и персонцентризмом, утверждающимся в общественном и индивидуальном сознании в XX–XXI вв., выражается в запаздывании соответствующего наполнения формальных прав. Это несоответствие вряд ли стоит толковать как принципиальное противоречие. Это скорее ступени развития, различия, поддерживающие динамику феномена в рамках персонцентристской культуры и парадигмы развития общества. В то же время происходящие изменения знаменательны. Они демонстрируют известную зрелость института прав человека. Рельефно проявляются его источник – социальное неравенство, механизм развития – диалектика индивидуальности и коллективности, общая основа процесса – усиление гуманизации как тенденции исторического развития, рассматриваемой в рамках цивилизационного подхода. Думается, что ценности «человека гуманистического» в том или ином виде и объеме в конечном итоге найдут свое проявление во всех моделях прав человека, характерных для современных как персонцентристских, так и системцентристских культур.

Духовная культура России исторически развивается в рамках системцентристской культуры. С учетом данного обстоятельства, а также с учетом современного ренессанса традиционализма духовные характеристики нашей цивилизации можно обобщить в образе «человека традиционалистского». Для него характерны преимущественно иррациональные способы познания, мифо-

логические, метафизические, религиозные смыслы и ценности, значимость традиций, отношений общинности, коллективизма. При содержательном наполнении подобного образа обнаруживаются противоречия. С одной стороны, в нашей истории господствуют согласие с неограниченностью монархической власти и ее сакрализация, пассивность и покорность; патерналистские ожидания, следование патриархальным традициям, растворенность личности в сельской общине. С другой стороны, в российской ментальности всегда существовал гуманистический принцип личности, связанный с высоким уровнем духовности, стремлением к равенству, осуждением произвола и насилия. Российский и русский народ свободолюбив.

Таким образом, характеристики «человека традиционалистского», культурные коды России как минимум амбивалентны: с одной стороны, утверждается доминирование над личностью позиций государства и общества, с другой – господствуют гуманистические принципы духовной свободы. Разрешение амбивалентности подобного рода, создание условий для утверждения характеристик «человека гуманистического» в условиях развития российской демократии, стремящейся к закреплению института прав человека, могло быть вполне реальной задачей. Тем более, что ощущение чужеродности прав человека российской ментальности в определенной мере сглаживается – характерные для традиционализма коллективистские и соборные отношения весьма значимы для реализации, например, современных прав человека третьего поколения, коллективных по своей природе. Именно дух солидаризма (но не индивидуализма) выступает мощным фактором, способствующим утверждению современного эффективного социального государства [6].

Однако на деле проблема осложняется. В современной России, состоящей, по оценкам экспертов, из «вестернизированного» меньшинства (15–20 %) и традиционалистского большинства, наблюдается как искажение западных характеристик личностного типа, так и трансформация традиционализма в квазитрадиционализм. Эти процессы выражаются в следующем:

- свобода трактуется как воля без границ;
- значимость учета интересов других отрицается;
- общинный коллективизм изживает себя, складывается индивидуализм в его потребительской форме;
- утверждающийся индивидуализм в сочетании с традиционной пассивностью порождает беспрецедентную для страны атомизацию общества, оставляющую институт прав человека лишь его формальной оболочкой [5].

Итак, наша проблема состоит не в доминировании традиционалистского типа личности, а, напротив, в его ослаблении и демонтаже, в возврате к примитивному традиционализму либо дрейфу в сторону квазитрадиционализма. Сегодня в России формируется «человек квазитрадиционалистский», никак не соответствующий ценностям современного гуманизма.

Для разрешения существующего противоречия между объективным и субъективным в институте прав человека важно совершенствовать и первое, и второе. Во-первых, закрепленные в Конституции РФ, других законодательных актах элементы института прав человека важно наполнить духом солидарного персонцентризма. Только в этом случае глубинные слои духовной культуры российского общества, каждого человека окажутся в гармонии с предлагаемыми социальными и поведенческими практиками, не будут их отторгать. Во-

вторых, существующие сегодня в российском обществе духовные смыслы и ценности следует разделять: с одной стороны, принципы и характеристики традиционного коллективизма с его духом соборности, с другой – черты и свойства примитивного традиционализма, квазитрадиционализма. Необходимо возрождение и утверждение первого, блокирование второго.

Выводы:

1. Любая культура, в рамках которой развивается духовная жизнь общества, обладает соответствующим ее сути «образом человека». Содержание последнего в существенной степени определяет место человека в социуме, характер отношений с обществом, а затем и с государством. Эффективность возникшего в Новое время социального института прав человека во многом зависит от соответствия его практик сложившимся в духовной культуре характеристикам «образа человека».

2. Традиции системоцентристских культур в принципе не блокируют возможную эффективность института прав человека, но порождают свой путь к ее достижению – от коллективизма к персонизму, от приоритета общественных интересов к приоритету человека, разделяющего собственные ценности с ценностями других.

3. Развитие института прав человека в России имеет благоприятную перспективу: традиционный дух общинности, соборности, характерный для российского традиционализма, все более соответствует коллективной природе прав человека последних поколений. Правовая динамика будет эффективна при ее ориентации на ценности солидарного персонизма.

Список литературы

1. Бачинин В.А. История философии и социологии права. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2001. 336 с.
2. Ивин А.А. Философия истории. М.: Гардарики, 2000. 578 с.
3. Лекторский В. А. Идеалы и реальность гуманизма [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.philosophie.ru](http://www.philosophie.ru) > (дата обращения: 07.12.2016).
4. Философия: энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
5. Холодковский К. Общество отброшено к прежним своим убеждениям [Электронный ресурс]. URL: [http:// Lenta.ru](http://Lenta.ru) (дата обращения: 07 декабря 2016).
6. Чернавин Ю.А. Развитие института прав человека в России: философско-правовой взгляд на проблему // LEX RUSSICA. 2015. № 6. С. 7–15.

HUMAN RIGHTS AS A REFLECTIVE REPRESENTATION OF A PERSON IMAGE IN THE CIVILIZATIONAL CONTEXT

Yu.A. Chernavin

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

The article examines the problem of a personality image as the core element of the civilization spiritual life. Viewed in this perspective, the content of the image varies in system-oriented and person-centered civilizations: in the first case, contradicting the meanings and practices of the institute of human rights, while in the second, - being in harmony with them.

Key words: *human rights, image of a man, system-centered cultural paradigm, person-oriented cultural paradigm, «mythical and irrational man», «rational and economic man», «humanistic culture man», «traditionalist man».*

Об авторе:

ЧЕРНАВИН Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва, E-mail: uchernavin@yandex.ru.

Author information:

CHERNAVIN Yuriy Aleksandrovich – Ph.D., Prof., Dept. of philosophical and socio-economic disciplines, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow. E-mail: uchernavin@yandex.ru.